

A warm, golden-hour scene viewed through a window. The sun is setting over a landscape with a large white house and green fields. In the foreground, a white cup of coffee sits on a wooden surface, with steam rising from it. To the left, an antique alarm clock is visible. The overall atmosphere is peaceful and nostalgic.

Мила Кравцова

Сборник
рассказов
«Тихий свет»

Мила Кравцова

Сборник рассказов

«Тихий свет»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73523173

SelfPub; 2026

Аннотация

Между боем старинных настенных часов и школьным звонком на урок истории умещается целая жизнь. Вернее, несколько жизней, собранных в этой книге.

Здесь смеются над темами, которые многие боятся – наследство и его судьба, и в крике сквозь годы, пытаются услышать и сохранить брак. Здесь взрослеют дети и стареют родители, и однажды выясняется, что старость – вовсе не увядание, а тихий свет, который виден только в сумерках.

В сборник вошли рассказы:

- «Семейный юмор» – о том, как за шутками прячутся главные вопросы.
- «Зачем вы так кричите, я так вас не услышу» – история двух людей, разучившихся слышать друг друга.
- «Тот, кто улыбался» – история одной улыбки, изменившей всё.
- «Старинные часы» – разговор со старостью начистоту.

· «Пусть звенит звонок» – учитель истории о войне и мире, которые начинаются в школьном классе.

Это проза для тех, кто не боится заглянуть вглубь себя, обыденности и найти там свет.

Содержание

Семейный юмор	5
Зачем Вы так кричите? Ведь я Вас так не услышу!	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сборник рассказов «Тихий свет»

Семейный юмор

Виктор Дмитриевич Ратоборов, отставной подполковник милиции, человек строгих правил и ясного, слегка подозрительного ума, на восьмидесятом году жизни принял решение, которое показалось ему воплощением житейской и юридической мудрости. Решил распорядиться при жизни. А именно – оформить дарственную на свой добротный, пахнущий старым деревом, книгами и лаковым запахом служебного портфеля дом, единственной дочери Людмиле. «Пусть будет порядок и ясность, – размышлял он, сидя в своём вольтеровском кресле, как на командном пункте. – Избегнут наследственных хлопот и недоразумений, а я... а я так и буду жить здесь. На позициях».

Дом был его крепостью, его оперативной территорией, и мысль расстаться с ним была столь же абсурдна, как мысль сдать знаки отличия. Но документ, как известно, вещь серьёзная. И вот бумаги были подготовлены со всей тщательностью следователя, оставалось лишь завершить формальность.

Накануне, в день пятидесятилетия Людмилы, зять его,

Дмитрий, человек солидный и, в общем-то, добрый, подвозил тестя с тещей, то есть родителей жены, в ресторан. Мать Людмилы, женщина тревожная, устроившись на заднем сиденье, озабоченно спросила:

– Дима, а нам нужно пристёгиваться?

Дмитрий, чьи мысли в тот момент, видимо, кружились вокруг предстоящего праздника и некой важной сделки, ответил не задумываясь, чисто механически:

– Пока дом не переписали, конечно нужно!

В салоне воцарилась тишина, будто перед залпом. Потом теща тихо рассмеялась, а Виктор Дмитриевич, сидевший рядом, лишь чуть дрогнул углом губы, по-бывалому оценивая обстановку. Шутка была понята правильно и никто, разумеется, не заподозрил зятя в корысти; просто такова была манера семейного юмора – сухая, немного чёрствая, мужская, отдававшая казённой прямоотой.

Наступил день, и сделка была зарегистрирована. Людмила, придя к отцу, сообщила об этом с лёгкой торжественностью, но и с едва уловимой тревогой в голосе, как докладывают о выполненном, но щекотливом поручении. Виктор Дмитриевич, глядя на её серьёзное лицо, почувствовал вдруг приступ озорства, редкого для его следовательской натуры. Он поднял брови, сделав вид, что проводит внезапную проверку жилплощади – книжные полки, портрет жены, старый глобус – и произнёс, стараясь сохранить служебную невозмутимость:

– Ну что ж, поздравляю новую хозяйку. Так, значит, с вещами на выход?

Он ожидал улыбки, отцовского и дочернего взаимопонимания в этой маленькой театральной сценке. Но Людмила вдруг побледнела, будто её взяли в свидетели по неприятному делу. Глаза её наполнились такой искренней, такой детской обидой, что старику стало неловко, почти как от оплошности молодого оперативника.

– Папа, не нужно так шутить! – сказала она сдавленно. – Это совсем не смешно. Ты знаешь, что для меня это ничего не меняет.

Виктор Дмитриевич поспешил её обнять, забормотал что-то утешительное, но осадок, как говорится, остался. Ему было досадно и на себя, и на эту излишнюю чувствительность, чуждую его служебной и жизненной природе.

Вернувшись домой, Людмила, ещё не остыв от волнения, поделилась случившимся с пятнадцатилетним сыном. Виктором Дмитриевичем-младшим, крепким, смышлёным парнем, носившим дедовское имя и, как казалось, лишь дедовскую внешность – те же крупные, «служебные» черты, тот же спокойный, оценивающий взгляд.

– Представляешь, – говорила она, накрывая на стол, – бабушка сегодня так пошутил... Сказал: «С вещами на выход». Как будто мы его выгнать собрались. Я, конечно, объяснила, что это недопустимо, что мы всегда будем о нём заботиться.

Она ждала от сына поддержки, возмущения вместе с нею

нелепостью шутки.

Витя слушал, облокотившись на косяк кухонной двери, словно на дверной косяк в казённом кабинете. Лицо его было сосредоточенно. Он, казалось, проводил дознание по факту неудачного высказывания. Наконец, он покачал головой, и в его глазах мелькнула та самая, знакомая трём поколениям мужчин этой семьи, искра суховатого, ироничного ума, отточенного на параграфах и семейных протоколах.

– Да как же так можно! – с неподдельным, почти профессиональным возмущением произнёс он.

Людмила обернулась, готовая кивнуть.

– Как дедушка мог так сказать! – продолжал Витя, и голос его зазвучал по-взрослому убедительно, будто он зачитывал заключение. – «С вещами на выход»... Это же совершенно нелогично!

Он сделал паузу для верности и, глядя на ошеломлённую мать, вынес окончательный, бесповоротный вердикт:

– Без вещей! Зачем ему вещи?

Людмила сначала открыла рот, чтобы сделать замечание. Потом вдруг прислонилась к столу и тихо засмеялась. Смеялась она долго, до слёз, с облегчением и внезапным пониманием. Она смеялась над собой, над отцом-«подполковником», над мужем, над сыном. Над этой удивительной, непередаваемой, чисто мужской линией юмора, которая, как ниточка, связывала двух Дмитриевичей и одного Дмитрия. Юмора, построенного на букве, а не на духе, в котором не бы-

ло ни капли житейской правды, но зато была вся правда об их отношениях – крепких, как устав, неизменных и по-своему очень нежных. И этот дом, дарственные, шутки про «выход» – всё это была просто игра, семейные учения. Суета. А настоящим, вечным и не требующим никаких протоколов, был вот этот смех на кухне и чувство, что все они – на своём законном месте. И без всяких вещей.

Зачем Вы так кричите? Ведь я Вас так не услышу!

– Митя, представляешь, договор две тысячи семнадцатого года составлен неверно! Его бы могли в суде признать незаключённым в силу статьи шестьсот седьмой Гражданского кодекса!

Она сказала это и замерла с чашкой в руке. За окном серое питерское утро, на столе – кипа бумаг, до десяти часов осталось пятнадцать минут, а ей ещё нужно было допечатать пояснительную записку. Мила ждала, что муж обернётся, посмотрит на неё с уважением, скажет: «Ну ты даёшь, Милка, голова». Ведь не он заключал тот дурацкий договор. Фирму он купил прошлой осенью, а арендные отношения тянулись с незапамятных времён, ещё от прежнего собственника.

Митя стоял у окна, пил кофе и смотрел на снег. Услышав про статью шестьсот седьмую, он повернул голову, и Мила вдруг увидела, что лицо у него чужое. Не то чтобы злое. Оно сделалось плоским и каким-то... затвердевшим.

– И чо? – спросил Митя.

И тут же, не давая ей ответить, пошёл. Про «тупых директоров», про то, что он вообще при чём, про то, что все только и ждут, чтобы его кинуть. Голос его крепчал, набирал высоту. Мила сидела с открытым ртом, потому что это была не

его интонация. Это была интонация Татьяны Владимировны, завуча, которая ворвалась в класс в прошлом феврале и орала про нераспечатанные бланки.

Митя говорил и говорил. А потом вдруг замолчал, допил кофе, сказал «у меня встреча» и ушёл. Даже не хлопнул дверью.

Мила посидела минуту. Потом допечатала пояснительную, отправила пакет в налоговую инспекцию города Иваново, позвонила инспектору – мужчине с усталым голосом, – и он сказал: «Да, теперь всё понятно, документы хорошие, будем регистрировать». Ровно в десять ноль-ноль она положила трубку.

И тут её накрыло.

Она вспомнила всё по порядку.

Как двадцать лет назад выходила замуж в пятницу тринадцатого. Как мама ахала: «Надо было на субботу перенести!», а они с Митей смеялись и плевали через левое плечо. Как она, успешный адвокат, вела бракоразводные дела, а потом родился сын, и что-то сдвинулось. Как она устала от чужих измен и дележа квадратных метров. Как пришла в школу – сначала волонтером, вести «Основы права», а потом осталась навсегда.

Она любила своих десятиклассников. Они были шумные, нестриженные, писали с ошибками, но иногда вдруг выдавали такое, что хотелось плакать. На последнем уроке, когда завуч орала про бланки, мальчик Петя Завьялов встал и сказал:

«Татьяна Владимировна, зачем вы так кричите? Мила Викторовна к нам хорошо относится, мы её так не услышим». Завуч тогда осеклась и вышла. А Мила потом три дня ходила и думала: пятнадцатилетний мальчик учит взрослую женщину обращаться с людьми.

С Митей было по-другому. Митя был хороший. Добрый. Когда умерла Милина собака Плюшка, её самый близкий друг еще до знакомства с Митей, он сидел с ней всю ночь на кухне и молчал. Когда сын подрался и попал в травмпункт, Митя бросил важные переговоры и примчался туда первым. Он никогда не жалел денег на её курсы китайского. Он любил пошутить, любил компанию, любил, когда всё получается. И он терпеть не мог признавать, что что-то не пошло по его вине.

«А чо такого» было его защитной скорлупой. Опоздал – а чо такого. Забыл – а чо такого. Купил фирму за тысячу километров, не глядя на юридический адрес – а чо такого. Он не врал, нет. Он просто очень быстро переводил стрелки. Потому что если не перевести стрелку, то придётся признать: я ошибся. А ошибаться больно. Особенно в пятьдесят лет, когда у тебя фирмы, директора, кредиты и сын-подросток.

Мила сидела за столом, перебирала бумаги и вдруг подумала: а ведь Вика, бывшая её клиентка по бракоразводному процессу, которую Митя называл тупой и безответственной, на самом деле просто устала. Три года Вика терпела, что за каждый непроплаченный счёт отвечает она, а за каждый

удачный контракт хвалит Митя себя. Три года она была громоотводом. И ушла – вежливо, без скандала, сказав: «Я не справляюсь». Митя же услышал в этом «ты плохой руководитель» и разозлился. Так легче.

Мила вспомнила всех прежних директоров. Все они были «тупые». И все уходили тихо. Никто не кричал на Митю в ответ. Кричать было бесполезно. Он всё равно не слышал.

А она, Мила, юрист до мозга костей, привыкла докапываться до сути. Она нашла налоговую инспекцию в Иваново, нашла инспектора, нашла старые договоры, восстановила цепочку собственников. Она сделала за месяц то, что Вика, наверное, пыталась сделать три года, но каждый раз натыкалась на стену «а чо такого».

И вот сейчас, когда всё получилось, когда налоговая сказала «да», когда фирма мужа была спасена, – Митя ушёл. Потому что она сказала про шестьсот седьмую статью. Потому что он вдруг понял, что ошибку в договоре можно было заметить раньше, если бы он не покупал фирму вслепую. И легче было обвинить её, умную, дотошную, которая своими вопросами пробила броню.

Она вспомнила, как Петя Завьялов сказал: «Мы её так не услышим». И подумала: а разве не то же самое она сейчас скажет Мите, когда он вернётся? Ведь он вернётся, конечно. Принесёт цветы или вино. Скажет: «Ты не представляешь, какие там пробки». Или: «Клиент задержал». И она промолчит, потому что двадцать лет – это двадцать лет, и из-за од-

ной вспышки не перечёркивают жизнь.

Но сегодня, глядя на стопку отправленных документов, Мила вдруг ясно увидела одну простую вещь.

Люди, которые кричат, всегда кричат не тем. Не тем, кто виноват, а тем, кто рядом. Кто не уйдёт. Кто выслушает. Кто не даст сдачи. Им страшно признать, что мир сложнее их представлений о нём. Что договор две тысячи семнадцатого года составил не дурак, а просто человек, который уже забыл об этом договоре. Что налоговая в Иваново – не враги, а живые люди с усталыми голосами. Что тупых директоров не бывает, бывают уставшие.

К вечеру вернулся Митя. Принёс торт «Птичье молоко». Поставил чайник. Сказал:

– Ну чо, зарегистрировали?

– Зарегистрировали, – ответила Мила.

– Я ж говорил, всё пучком. – Он улыбнулся, нарезая торт. – А ты переживала.

Она смотрела, как он кладёт ей кусок побольше, и думала: вот сейчас. Сейчас или никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.